

Подумав немного, он снова взмахнул рукавами и сказал:

— Ладно! Нельзя больше оставлять братца Мяня на твое попечение, — договорив, заместитель министра Е громко подозвал слугу и холодно велел: — Пойди в бухгалтерию, возьми две тысячи ланов серебра и отнеси четвертому молодому господину во Двор Баофэн. И передай там: впредь, когда четвертый молодой господин будет брать серебро, не проводить это по общим счетам усадьбы, а записывать всё на мой счет. И если сумма за один раз не превышает пятисот ланов, мне докладывать не нужно.

Юймин принял приказ и удалился.

Госпожа Цю широко раскрыла глаза и лишь спустя некоторое время в испуге воскликнула:

— Если ты будешь так его баловать, разве ты его не испортишь?!

Заместитель министра Е нетерпеливо махнул рукой:

— Ну и пусть балуется. Братец Цзин раньше тоже так рос, и ничего, не испортился.

— Как же так можно! — взволнованно попыталась вразумить его госпожа Цю. — Он совсем не такой, как братец Цзин. У братца Цзина характер дисциплинированный, а Мян-эр слишком изнежен. В обычные дни у него причуд больше, чем у барышни, запертой в девичьих покоях! Если ты будешь так безгранично потакать ему в деньгах, он станет еще более высокомерным, расточительным и своевольным. Как его тогда воспитать?

— По-моему, всё отлично! Я, Е Хэн, полжизни провел на службе, неужели я не смогу вырастить младшего сына в достатке? — хмыкнул заместитель министра Е. — К тому же, даже если он и вырастет немного избалованным, что с того? Это куда лучше, чем если бы он вырос жадным и недалёковидным, готовым продаться за пару золотых!

С этими словами заместитель министра Е разозлился еще сильнее и громко добавил:

— Так его и воспитывать!

Поняв, что до него не достучаться, госпожа Цю задрожала от гнева и разразилась упреками:

— Ты что, хочешь вырастить из него бездельника-гуляку?

Заместитель министра Е холодно хмыкнул:

— У меня свои соображения. Отныне я сам буду заниматься братцем Мянem, как когда-то братцем Цзином. Твое дело — заботиться о наложничьих детях в усадьбе, а в его двор больше не суйся.

Договорив, заместитель министра Е бросил на нее полный недоверия взгляд. Госпожа Цю так разозлилась, что ее сердце бешено заколотилось, а разум окончательно помутился. Она схватила полупустую пиалу с чаем, стоявшую под рукой, и швырнула ее в мужа, дрожащим от ярости голосом прокричав:

— Ах ты, старый пес Е Хэн! Убирайся вон!

После того как вбежавшие няньки госпожи Цю вежливо выпроводили разгневанного заместителя министра Е, она не выдержала обиды и громко расплакалась:

— Завтра же заберу сына и уеду к родителям! Пусть отец с матерью нас рассудят. Я переступила порог этого клана Е больше двадцать лет назад, вела домашнее хозяйство, управляла делами усадьбы, во всем поддерживала мужа и воспитывала детей со всей душой. И кем я в итоге стала? Злобной бабой, которая притесняет младшего сына?!

Пожилая нянька со вздохом принялась ее утешать:

— Госпожа, господин сказал это сгоряча, не принимайте близко к сердцу.

— Какое там сгоряча! — сквозь слезы воскликнула госпожа Цю. — Тогда, лишь из-за того что братец Цзин ночью раскрылся и подхватил простуду, он наотрез запретил мне заниматься сыном и воспитывал его сам. И кем теперь стал братец Цзин? Сами же видите, он ко мне совсем не привязан. А теперь он хочет отобрать у меня и моего Мяня!

— Наш четвертый молодой господин любит вас больше всех, не бойтесь, — с улыбкой успокаивала ее нянька, мягко поглаживая по спине, чтобы та перевела дух.

Утирая слезы, госпожа Цю всхлипнула:

— Все знатные дамы, что в курсе дела, наверняка за спиной смеются надо мной, считая дурой, которая даже ребенка воспитать не способна. Каких грехов я набралась в прошлой жизни, что вышла за него замуж...

Госпожа Цю не понимала, с чего вдруг заместителю министра Е вздумалось так бушевать. Зато Е Мян, который послал служанку разузнать новости и выяснил суть дела, в общих чертах догадался о причинах. С одной стороны, он побаивался, что отец нажалуется старшему брату, а с другой — от возбуждения потирал руки, готовясь опустошить отцовскую личную казну.

Матушка была права: он ведь вовсе не Е Цзин.

На следующий день Е Мян, как обычно, отправился на учебу. Несколько дней подряд он не видел во дворе Чжуан Сюя, но внезапно пришел Вэй Аньюань — прихрамывая и держась за ягодицы.

Е Мян с товарищами поспешно велели слугам постелить на его стул несколько слоев меховых подушек и только потом усадили его.

— Ты ведь еще толком не поправился, зачем пришел? — с удивлением спросил Е Мян.

Вэй Аньюань, усаживаясь, тихонько шикнул от боли, а затем проворчал:

— Дома скука смертная, весь день лежишь на животе. А ты даже не пришел меня навестить...

Е Мян опешил:

— Разве ты сам не запретил мне приходить в резиденцию канцлера?

— Раз запретил, значит, и правда не придешь? Что-то раньше ты меня так послушно не слушался, — недовольно пробурчал Вэй Аньюань. — Мой второй брат рассказывал, что тогда братец Цзин именно из-за этого отдалился от него и перестал общаться. Ты тоже так собираешься поступить?

Не успел Е Мян ответить, как сидевший за соседним столом Ли Чжао усмехнулся:

— Да никогда в жизни! Куда нашему братцу Мяню до благородства братца Цзина? Этот человек радость делит только с собой, а как нагрянет беда — обязательно схватит нас и прикроется нами, как щитом.

Е Мянъ оскалился и легонько пнул его:

— Перестанешь ты наконец или нет?!

— Что случилось? — с улыбкой спросил Вэй Анъюань.

Ли Чжао спрыгнул со стола, приобнял Вэй Анъюаня за шею и принялся жаловаться:

— Анъюань, тебя тут не было, так что ты не знаешь. Отец братца Мяня снял с него все ограничения на деньги! Теперь он может тратить серебро из резиденции заместителя министра как душе угодно. А когда я попросил у него займы несчастную тысячу ланов, он отказал! Скажи, ну разве он не паршивый друг после этого?

Вэй Анъюань повернулся к Е Мяню и изумленно округлил глаза:

— Твой отец действительно больше не ограничивает тебя в деньгах? — А затем с досадой и завистью насупился: — А мой отец только-только урезал мне расходы на каждую декаду...

Е Мянъ сначала проигнорировал Вэй Анъюаня и, грозно нахмурившись, строго спросил Ли Чжао:

— А что же ты не расскажешь Анъюаню, почему я не даю тебе денег и на что именно ты собирался их потратить?

Вэй Анъюань перевел взгляд на Е Мяня и нахмурился:

— Братец Чжао опять вляпался в какую-то глупость?

Е Мянъ сердито фыркнул:

— Последнее время Ци Е каждый день таскает его за собой к этому Дин Хуаю. Дин Хуай — скользкий и подлый тип, от которого мы стараемся держаться подальше, а этот сам к нему лезет! Спроси его! В каких только грязных притонах он не ошивался после занятий в эти дни?

Ли Чжао не ожидал, что Е Мянъ устроит ему сцену прямо в академии. Его лицо мгновенно залила краска, он пробормотал что-то невнятное, но, заметив, что остальные ученики в классе украдкой поглядывают на них, громко фыркнул, гневно взмахнул рукавами и вышел вон.

Жуань Юньшэн заволновался и крикнул ему в окно:

— Скоро прозвенит колокол, куда ты опять собрался?

— Не обращай внимания! — бросил Е Мянъ. — Сколько хороших слов ему ни говори — пропускает мимо ушей, а стоило один раз сказать правду в глаза, так он сразу обиделся!

Вэй Анъюань нахмурился:

— После уроков пойдем поговорим с Ци Е.

Е Мянъ в гневе засучил рукава:

— О чем с ним разговаривать? Я сначала разукрашу ему физиономию так, чтобы он на люди показаться стыдился! Заодно перестанет сбивать братца Чжао с пути истинного.

Жуань Юньшэн прыснул со смеху:

— Ох, угомонись уже. Хватит тебе при драке вечно метить в лицо. Маленький уездный князь из соседнего двора до сих пор боится приходить на занятия.

— О? — на лице Вэй Анъюаня отразилась радость. — Ты отомстил за меня?

— А? — Е Мянью на секунду растерялся, но тут же закивал: — А, ну да! Он перешел тебе дорогу, так что я должен был проучить его. Но теперь, раз он тоже ранен, дело закрыто. Тебе больше нельзя лезть к нему.

Вэй Анъюань хмыкнул:

— Правда?

Е Мянью повернулся к Моши и приказал:

— Сходи в соседний класс и позови сюда Лу Личжэна. Скажи, у меня к нему дело.

Моши поспешно убежал и вскоре вернулся с Лу Личжэном, который уныло опустил глаза.

— Братец Мянью, ты звал меня?

Е Мянью слегка прокашлялся и спросил:

— Как там раны вашего уездного князя?

— Надо же, ты все-таки соизволил поинтересоваться, — Лу Личжэн закатил глаза и недовольно проворчал: — У него сильно разбит уголок губ. Зачем ты вообще кусаешься?

Вэй Анъюань, Жуань Юньшэн и остальные дружно ахнули и уставились на Е Мянью.

Е Мянью округлил глаза и смущенно возразил:

— Что... что за чушь ты несешь? Я просто не рассчитал силу и случайно поранил его. Кто его кусал?!

Лу Личжэн фыркнул, отвернулся и пробормотал под нос:

— Аж так сильно избить человека...

Е Мянью тоже разозлился:

— А ты его защищаешь! Зря я тебе всю зиму покупал боярышник в сахарной глазури, неблагодарный волк!

— Это кто еще неблагодарный волк?

— Ты! — сердито бросил Е Мянью. — Что, он наговорил тебе про меня гадостей? Ты в последние дни, как меня увидишь, сразу лицо кривишь.

— Ну и наговорил, и что с того? — упрямо вздернул подбородок Лу Личжэн. — Ты человеку

лицо изуродовал, неужели моему брату Чжуан Сюю даже сказать об этом нельзя? И это сошло тебе с рук только потому, что это ты. Будь на твоём месте кто-то другой, брат Чжуан Сюй давно бы изрубил его на куски и скормил собакам.

Слова Лу Личжэна прозвучали крайне дерзко. Е Мянь только успел нахмуриться, как Вэй Аньюань первым взорвался от ярости. Ткнув в Лу Личжэна пальцем, он грозно крикнул:

— Если ещё раз распустишь язык, я сам тебя изрублю и скормлю собакам!

<http://bllate.org/book/18289/1753902>